

На фоне медленно струящегося в небесах сияния крошечный истребитель казался невзрачной темной мошкой. Энергетический щит Атлантиды стремительно угасал. От глубокой, насыщенной лазури, явленной миру месяц назад, когда древний город восстал из бездны Атлантического океана, не осталось и следа. Теперь купол сделался блеклым, полупрозрачным, точно исполинский мыльный пузырь, готовый лопнуть от малейшего дуновения. Он удерживал свои границы из последних сил, выигрывая для человечества жалкие крохи времени.

Высшая раса Паэтри, без сомнения, это предвидела. Обнаружив, что испускающее плазму Большое красное пятно Юпитера находится на грани истощения, захватчики изменили тактику. Они прекратили лобовые атаки, выжидая, когда сияющий щит Атлантиды рухнет окончательно, чтобы нанести сокрушительный, финальный удар.

Люди не могли отследить зловещие перемены, происходящие в недрах Большого красного пятна Юпитера, но надвигающуюся катастрофу они ощущали почти физически. Пространство над угасающим куполом Атлантиды заполнили бесчисленные беспилотные дроны пришельцев, застилая небесный свод. В небесах зависли и колоссальные вражеские корабли — их чудовищные тени уже накрыли всю Юго-Восточную Азию, погружая ее во мрак.

Тяжелые тучи, нависшие над головой, были не грозowymi облаками, а бескрайней пеленой, наброшенной чужаками на летнее солнце. Лишь редкие, сиротливые лучи пробивались сквозь щели между сомкнутыми рядами боевых машин — точно сквозь тесные расщелины в глухом горном ущелье, — едва освещая погружающийся во тьму мир людей.

Лицо Хань Цзина оставалось безучастным — осунувшийся, бледный, он выглядел вконец истощенным. Лишь когда истребитель, миновав Тихий океан, заскользил над лежащими в руинах кварталами Эвиду, в глубине его спокойных глаз на мгновение вспыхнула острая, невыносимая мука.

— Сэр, впереди должен быть район Эрато.

Второй лейтенант Кенни, пилотировавший истребитель, сделал несколько кругов над вымершим городом, прежде чем сумел определить пригодную для посадки площадку среди руин.

После двух волн кровавой «чистки» Эвиду превратился в колоссальный склеп. Здесь не осталось ни единой живой души. Лишь багровый ветер, пропитанный тяжелым трупным смрадом, с завыванием носился над истерзанной землей, и в его яростных порывах чудился предсмертный стон миллионов замученных жертв.

Этот ветер действительно казался багровым — земля здесь была насквозь пропитана кровью и устлана телами. За месяц невыносимого летнего зноя руины и обломки бетона превратились в раскаленную печь: разлагающаяся плоть запекалась, почернела и покрыла почву сплошной

потрескавшейся коркой бурого цвета.

За целый месяц на иссушенную землю не упало ни единой капли дождя. Повсюду — где-то сильнее, где-то слабее — бушевала невиданная прежде засуха. В былые времена люди легко вызвали бы искусственные осадки, но теперь от былой технологической мощи остались лишь жалкие крохи. Синоптики разводили руками: судя по всему, именно энергетический щит Атлантиды нарушил баланс в атмосфере. Любая влага, едва коснувшись струящихся силовых потоков, мгновенно распадалась на атомы и испарялась без следа.

Лишенная дождей планета раскалялась. Ледники на полюсах таяли с пугающей скоростью, из-за чего уровень Мирового океана стремительно поднимался. Человечество же оставалось лишь беспомощным наблюдателем собственной гибели, словно на Землю действительно пришел обещанный конец света.

Выхода не было. Лишились люди покровительства Атлантиды — и их ждало бы тотальное истребление чужаками под видом очередной «чистки». Но даже если бы древний город укрывал их вечно, человечество все равно медленно угасло бы в тисках экологической катастрофы.

Казалось, мир погрузился в глухую, беспросветную тьму, и ни один луч надежды больше не освещал горизонт.

Особенно отчетливо это стало понятно после возвращения экспедиции из Элохима. Получив расшифрованные данные, Федеральное правительство осознало: последняя надежда рухнула. Единственное, что теперь оставалось делать — любыми способами попытаться спасти остатки цивилизации. Возникла даже безумная идея заново запустить Звездные врата. Вместо того чтобы безвольно ждать неминуемой смерти, стоило рассеять выживших по космосу. Пусть им придется бежать в неизведанные глубины, в пугающие миры под властью Руны — это все же давало хоть какую-то призрачную надежду.

Но со смертью Мориса все планы, связанные со Звездными вратами, превратились в пустые фантазии. Никто не мог пробудить их спящую сеть — ни русалка Симо, ни Хань Цзин не обладали нужной ментальной связью. Исполинское кольцо врат из матового черно-синего сплава так и стояло мертвым монументом на Базе № 9.

Зажатое в тиски безысходности правительство было вынуждено возложить последние надежды на Атлантиду — парящий город, который с первого дня своего появления оставался закрытым для людей. Имя Мориса превратилось в табу. Властям было куда удобнее верить, что прославленный генерал героически погиб во время миссии на Элохиме, нежели признать страшную правду: он мог перейти на сторону Руны.

«Я никогда не поверю, что он погиб. И уж тем более — в эту грязную ложь про предательство и Руну...»

«Он точно ждет меня где-то там, в немыслимой дали. Как и прежде, он просто уехал по делам.

Быть может, уже завтра он снова переступит порог дома...»

Хань Цзин упорно бежал от суровой действительности, прячась в собственных иллюзиях, как в хрупком сне. Он замирал и задерживал дыхание, боясь, что даже самый тихий звук разрушит этот призрачный, зыбкий замок.

Ирония заключалась в том, что где-то в самой глубине его истерзанной души царило пугающе ясное понимание неизбежного...

Он медленно шел по району Эрато. Раньше здесь жили богачи, и огромные парковые зоны скрывали их особняки от посторонних глаз. Дома стояли на значительном расстоянии друг от друга, благодаря чему этот уголок чудом уцелел во время двух сокрушительных атак пришельцев. Теперь среди бескрайних руин Эвиду это место оставалось последним островком, напоминавшим о некогда существовавшей цивилизации.

Взгляд Хань Цзина внезапно затуманился, словно подернулся сырой пеленой поздней осени. Отрешенно глядя прямо перед собой, он медленно остановился.

Ему почудилось, будто он вновь очутился в своем ласковом, почти осязаемом сне. Окна родного дома светились теплым, уютным светом, озаряя знакомый двор и ветви цветущих яблонь. В этом нежном розовом облаке стоял силуэт, который являлся ему каждую ночь. Вот мужчина обернулся, его глубокие сапфировые глаза лучились нежностью, а на губах играла едва заметная улыбка, предназначавшаяся лишь ему одному.

Хань Цзин подался вперед, безотчетно протягивая руку, но пелена слез спала, и в ту же секунду наваждение растаяло, оставив после себя лишь глухую пустоту.

Он наконец разглядел то, что было перед ним на самом деле. Теплый свет погас, оставив лишь полуразрушенный, объятый унынием остов дома. Внутри царил кромешный мрак. Яблони в саду давно погибли, их высохшие сучья сиротливо лежали среди обломков рухнувшей каменной стены. Под ногами не было видно тропинки — лишь битый кирпич и прелая листва. Налетевший со спины порыв багрового ветра поднял в воздух кровавую пыль, швыряя ее в распахнутый зев покинутого жилища.

Плечи Хань Цзина мелко задрожали. Вся его тоска, вся бережно хранимая нежность обернулись зыбким миражом, растаявшим без следа.

И все же он переступил порог. Он вошел в дом, хранивший память о лучших днях его жизни, хотя суровая реальность превратила семейное гнездо в холодный, заброшенный склеп.

«Хорошо, что дом уцелел...»

«Пока стены стоят, мы сможем начать все сначала...»

Твердя себе эти слова как заклинание, Хань Цзин наощупь поднялся по полуразрушенной лестнице в пустую спальню. Он подошел к опрокинутому комоду и принялся раскапывать обломки. Когда пальцы наконец нащупали то, ради чего он проделал этот путь, слезы хлынули из глаз потоком.

Вторжение началось слишком внезапно. Тогда они с Морисом даже не успели заскочить домой перед тем, как спешно отбыть на Базу № 9. Оба верили, что обязательно вернуться сюда вместе. Кто же знал, что все обернется именно так...

Слезы капали на страницы раскрытого альбома. На снимке Морис стоял совсем близко, бережно прижимая к себе крохотную Кэтрин. Он улыбался своей обычной, едва заметной улыбкой, но его взгляд лучился такой любовью и теплом, что у Хань Цзина защемило сердце.

Хань Цзин долго всматривался в черты любимого лица, пока они окончательно не расплылись. Смахнув слезы тыльной стороной ладони, он с удивлением почувствовал, какими ледяными стали его щеки.

В этот момент тишину мертвой спальни нарушил резкий сигнал коммуникатора. Сглотнув подступивший к горлу ком, Хань Цзин заставил себя успокоиться и нажал кнопку приема.

— Сэр! В регионе Балун-Дунъя зафиксированы признаки скорой атаки! Из штаба приказали немедленно вернуться и подготовиться к развертыванию! — взволнованно доложил второй лейтенант Кенни.

Аккуратно убрав памятный снимок во внутренний карман мундира, Хань Цзин ответил ровным, собранным голосом:

— Принято. Скоро буду.

Он не пробыл в родном доме и четверти часа, как долг вновь погнал его прочь.

В этом заключался долг офицера. В этом была вся его судьба...

Поднявшись в кабину истребителя, Хань Цзин безучастно смотрел, как внизу стремительно уменьшаются руины Эвиду. Мрачная тень скорби легла на его осунувшееся лицо.

Второй лейтенант Кенни уверенно держал курс, но мысли о срочной директиве командования не давали ему покоя. Вероятность оказаться на самой передовой в Балун-Дунъя заставляла его изрядно нервничать. Страх липкими щупальцами закрадывался в душу, и совладать с ним было непросто. Правительство свято выполняло клятву, некогда данную гражданам Земли: перед лицом неминуемой гибели армия примет удар на себя и будет стоять насмерть до самого конца.

Защитное поле Атлантиды уже начало давать сбои. Всего неделю назад в силовом щите возникла узкая брешь. И хотя сквозь нее не могли протиснуться тяжелые вражеские корабли, на землю хлынули полчища микроскопических дронов. Размером они уступали роботам «Двуглавый паук», однако их разрушительная мощь все равно оставалась колоссальной.

Человечеству пришлось пожертвовать жизнями тысяч солдат, чтобы продержаться до того момента, пока брешь в куполе Атлантиды наконец не затянулась.

— Сэр... Мы подлетаем к военной базе CNA-12.

Кенни скосил глаза на зеркало заднего вида. Генерал-майор Хань Цзин сидел молча, бережно сжимая что-то в ладони и невидящим взором уставившись в пространство. Лейтенант невольно вспомнил слухи об ужасной трагедии, произошедшей месяц назад. Поговаривали, что погибший генерал Морис Норман был супругом генерал-майора.

Лейтенант тут же прикусил язык и поспешно отвернулся, не смея тревожить командира расспросами.

Хань Цзин нахмурился, его пальцы медленно скользнули по глянцевой бумаге, очерчивая знакомый профиль Мориса. Помедлив секунду, он все же взял себя в руки, спрятал снимок и устремил взгляд на военную базу, над которой они заходили на посадку.

Из-за поднявшегося уровня океана военная база CNA-12 оказалась затоплена почти целиком. Действующим оставался лишь аварийный сектор «Е». Истребитель выпустил поплавки гидросистемы, мягко коснулся водной глади и, проскользив несколько сотен метров по воде, замер у сигнального буя на указанной позиции.

Спустившись на палубу, Хань Цзин не стал спешить в штаб. Пользуясь короткой передышкой, он быстрым шагом направился на второй уровень подземного бункера, переоборудованный под лазарет. Под мигающими лампами дневного света отовсюду доносились приглушенные стоны и крики раненых.

Хань Цзин шел с каменным лицом — зрелище чужих страданий больше не трогало его выгоревшую душу. Лишь у первого поворота он замедлил шаг, чтобы бегло просмотреть расклеенные по белой стене листки объявлений. Он все еще безуспешно надеялся отыскать хоть какое-то известие из Хуайнина. Увы, его ждало очередное разочарование. Тысячи исписанных от руки листков о поиске пропавших без вести зеркально отражали его собственное внутреннее состояние — бесконечную череду надежд, раз за разом сменяющихся глухим отчаянием.

Центральноевропейский Берлин и южноазиатский Дели уже официально признали мертвыми зонами. Они разделили судьбу Эвиду, превратившись в безмолвные руины...

А в регионе Познань, где на прошлой неделе возникла брешь в щите, потери оказались

катастрофическими: по меньшей мере три тысячи двести восемнадцать военных погибли, еще тысяча триста шестьдесят девять получили тяжелые увечья...

Глянцевые листы списков пестрели именами. Хань Цзин опустил руку в левый карман кителя, нащупав там круглый металлический медальон.

«Перед лицом глобального краха человеческая жизнь больше ничего не стоит, и мы не властны над собственной смертью...»

«Доживу ли я до того дня, когда вернется Морис?..»

«Ты обязательно вернешься. А я сделаю все, чтобы выжить и уберечь нашу дочь...»

Грудь вновь сдавила острая, невыносимая боль, словно кто-то заживо вырезал его сердце тупым ножом.

Сжав пальцами дверную ручку, он помедлил несколько секунд, заставляя бурю в душе улежаться, и толкнул дверь палаты. Внутри царила глубокая тишина. Больше никто не дежурил у постели девочки. Лишь Кэтрин лежала на больничной койке — бледная, безучастная ко всему, погруженная в глубокий, изнурительный сон.

Всего один месяц — и привычный мир разлетелся на осколки. Все происходящее казалось бесконечным кошмаром, от которого невозможно было проснуться, сколько ни пытайся.

Хань Цзин подошел к постели дочери, опустился на край кровати и осторожно сжал в своей руке ее ладошку. Кожа девочки была горячей, точно уголек.

Он бережно коснулся лица дочери. Жар был пугающим — неужели ей становится только хуже? Хань Цзин боялся думать об этом, но факты говорили сами за себя. Кожа Кэтрин казалась неестественно гладкой, точно фарфоровой. Клетки ее организма делились с такой бешеной скоростью, что изменения были заметны невооруженным глазом. Даже ее роскошные длинные волосы окончательно потеряли былой оттенок, превратившись в безжизненную, тусклую седину.

Федеральное правительство не только не знало, как ей помочь, но и из-за подозрений в адрес Мориса относилось к лечению Кэтрин с крайней настороженностью. Несмотря на жесткое давление со стороны генерала Гранта Нормана, власти под предлогом дефицита медицинских кадров все же отозвали дежуривших круглосуточно специалистов. Возле палаты остался лишь личный врач семьи Норман — Марко.

Чиновники всерьез опасались, что Кэтрин — дитя Руны, в чьих жилах течет чуждая человечеству кровь. Только этой безумной гипотезой они могли объяснить все ее странности с самого рождения: янтарные глаза, пепельные волосы и пугающий, превосходящий все

человеческие лимиты интеллект.

Но Хань Цзин не верил ни единому слову этих паникеров. Никто в этом мире не знал Мориса так хорошо, как он, и никто не понимал свою дочь лучше него.

В его памяти вновь всплыло улыбающееся личико дочери, ее ласковый голосок. Каждый раз, когда ему приходилось уезжать на службу, она так отчаянно цеплялась за него, не желая отпускать ни на шаг...

Хань Цзин отрешенно смотрел на бледное, лишенное прежней живости лицо ребенка. Глаза защищало от слез, и он медленно склонился над ней, пряча лицо в ладонях.

Он отчаянно молил о том, чтобы проснуться от этого затянувшегося кошмара, вновь коснуться губами спящего рядом Мориса, крепко обнять его и прошептать слова любви.

«Я умоляю тебя, Боже, позволь мне проснуться!..»

«Но почему этот кошмар не кончается?!»

Уткнувшись лицом в постель, он прижимал к губам горячие пальчики дочери, плечи его мелко дрожали. Лишь когда коммуникатор снова настойчиво затребовал внимания, он вздрогнул и выпрямился.

— Понял. Уже иду, — глухо ответил он и сбросил вызов.

Хань Цзин достал из левого кармана мундира тонкую цепочку с круглым кулоном. Это было не настоящее золото, но в этом расколотом, погруженном в хаос мире добыть даже такую вещь стоило огромных трудов — ему пришлось обменять ее на ценные армейские пайки.

Крышка медальона легко поддалась. Внутри лежал аккуратно вырезанный кусочек фотографии — их первое семейное фото, где они с Морисом бережно прижимали к себе новорожденную дочь. Воспоминания о том дне казались невероятно яркими. На снимке Морис улыбался так тепло и открыто, словно никогда и не покидал его.

Слезы вновь застлали глаза. Сглотнув подступивший к горлу ком, Хань Цзин прижал памятную вещь к губам, благоговейно поцеловал ее и дрожащими руками аккуратно надел цепочку на шею спящей Кэтрин.

«Мне предстоит отправиться на самую передовую в Балун-Дунъя. Под шквалом огня пришельцев выжить будет чудом. Вернусь ли я к ней?..»

«А если нет... если это наш последний разговор...»

«Когда Кэтрин придет в себя, этот кулон будет с ней. Она посмотрит на наши лица и не забудет меня...»

Едва сдерживая рыдания, он оборвал эти мысли. Напоследок он поцеловал дочь в лоб, нежно погладил по бледной щеке и порывисто вышел из палаты, ни разу не обернувшись.

Сектор Балун-Дунъя находился в Камори, примерно в шестидесяти километрах от временного спасательного лагеря Федерального правительства. Глобальная катастрофа пощадила лишь единицы военных баз по всему миру, а высший офицерский состав понес колоссальные потери — в строю оставалось едва ли полсотни генералов. И хотя Хань Цзин носил звание генерал-майора и прежде занимался преимущественно штабной аналитикой, теперь под его начало передали два полноценных полка.

В этой оборонительной операции силам базы CNA-12 отвели роль поддержки второй линии. К моменту, когда десантные транспорты поднялись в воздух, тяжелые бои на передовой без умолку шли уже более шести часов.

Огромные транспортные самолеты не рискнули садиться непосредственно на передовой и разгрузились на тыловом распределительном пункте. Оттуда солдат спешно распределили по бронетранспортерам. Забитые под завязку машины, вмещавшие до сотни бойцов каждая, нескончаемой колонной уходили в затянутый пороховой гарью сектор Балун-Дунъя.

Едва распахнулись десантные люки, как лица новобранцев, едва успевших принять присягу, побелели от ужаса. Они замерли на пороге, скованные паникой, и инстинктивно попятились назад, в спасительную полутьму бронемашин.

Весь регион Балун-Дунъя тонул в непроглядной тьме, сквозь которую то и дело прорывались всполохи разрывов, сплетающиеся в зловещую пляску смерти. Грохот тяжелых орудий сотрясал землю до основания. За шесть часов непрерывной бойни регулярная армия потеряла более десяти тысяч человек — эти потери в сотни раз превосходили катастрофу в Познани. Но страшнее всего было то, что купол Атлантиды так и не восстановил свою целостность.

Энергетические потоки лениво струились в вышине. На самом горизонте отчетливо проступал рваный разлом, откуда сплошной черной тучей сыпались мириады вражеских микросистем. Это зрелище лишало остатков надежды. Оборонительные рубежи людей уже были смяты и отброшены на двадцать километров назад.

Единственным спасением оставалось то, что остаточное излучение разорванных силовых линий Атлантиды все еще бушевало в небе на высоте более десяти метров. Эти блуждающие разряды сжигали дотла большую часть вражеских дронов еще на подлете к земле. Впрочем, Паэтри это мало заботило. Они брали числом, волна за волной бросая свои машины на убой ради того, чтобы их единицы прорвались к наземным целям. Казалось, они просто изматывали систему обороны, нащупывая предел прочности Атлантиды.

Небо над полем боя оставалось мертвенно-черным — исполинские корпуса вражеских

кораблей давили сверху всей своей массой, не пропуская ни единого луча солнца. Лишь остаточные волны Атлантиды озаряли этот филиал ада призрачным, фосфоресцирующим синим свечением.

Офицеры на местах не собирались возиться с перепуганными новобранцами. Осыпая их отборной бранью, они грубо выталкивали солдат из бронетранспортеров прямо в грязь. Кое-кто из парней не удерживался на ногах и падал под ноги напирающей сзади толпе.

— Ситуация критическая, сэр.

Завидев золотые знаки отличия на плечах подошедшего Хань Цзина, к нему подбежал офицер из соседнего подразделения и спешно отдал честь.

Хань Цзин сдержанно кивнул и окинул взглядом полыхающий горизонт. Балун-Дунья превратился в сплошную чадающую руину. Из-за непрерывного натиска противника линия обороны стремительно откатывалась назад, и рубежи, еще час назад считавшиеся глубоким тылом, теперь стали передовой линией фронта.

Бойня шла буквально в двух шагах. С передовой нескончаемым потоком тянулись санитарные грузовики, забитые ранеными и изувеченными телами. Броня тяжелых полугусеничных машин была разворочена взрывами, а толстые стальные листы скручены в спирали, наглядно демонстрируя ярость бушующего впереди сражения.

Погибших без лишних церемоний выгружали прямо на землю у полуразрушенного бетонного забора, точно строительный мусор. Глядя на это, ожидающие отправки новобранцы бледнели на глазах, у многих мелко дрожали губы.

— Все, у кого световое оружие P. R. L 612 — марш вперед! Остальные прикрывают и двигаются следом! Если стрелок с излучателем падает — идущий сзади немедленно поднимает его пушку и продолжает вести огонь по дронам! Не смей прекращать стрельбу! — надрывно кричал стоявший на земляной насыпи офицер с обветренным лицом.

Заметив пробравшегося через толпу Хань Цзина, он приветственно махнул рукой.

— Отряду Мориты конец! Слава богу, ваши силы из CNA-12 подоспели вовремя! — перекрикивая грохот канонады, проорал Холлс. — Я держу правый склон каньона Кип, твои люди займут левый! Будем прикрывать друг друга с флангов!

— А как же генерал-лейтенант Иванов?! Мы ведь подчиняемся его штабу! — приблизившись к нему, выкрикнул Хань Цзин.

Холлс горько усмехнулся, утирая пот со лба:

— Ты опоздал! Генерал-лейтенант Иванов убит! Связь со штабом потеряна, на передовой творится полнейший хаос! Последний приказ, который я успел получить: бросить любое подошедшее подкрепление на позиции уничтоженной группы Мориты!

— Каньон Кип — ключевая точка! Это единственный заслон, прикрывающий тыловую базу, мы обязаны стоять насмерть! Тысячи гражданских просто не успеют эвакуироваться! — Холлс развернул на капоте помятого броневика тактическую карту и ткнул пальцем в узкое горлышко ущелья. — Мы обязаны запечатать этот проход. Если рубеж падет, дроны хлынут на равнину. Без естественных преград в виде хребтов нашей армии там ловить нечего, нас просто размажут!

— На равнине? Но почему нет поддержки с воздуха?! Где наши истребители?! — Хань Цзин вгляделся в полыхающий горизонт. Черный купол неба над полем боя казался абсолютно пустым — ни одного следа от ракетных двигателей, ни одной дружественной машины.

— Все из-за поля Атлантиды! — выкрикнул Холлс, его голос тонул в непрекращающемся грохоте. — Прорыв в куполе привел к тому, что плазменное излучение осело плотным слоем на высоте от десяти метров и выше! Любой объект — будь то вражеский беспилотник или наш истребитель, — сунувшийся туда, мгновенно распадается на атомы!

— Можешь представить себе этот ад! — Холлс указал на далекое сияние прорыва, и на его губах заиграла злая, язвительная усмешка. — Эти твари боятся его не меньше нашего! Захватчики вынуждены вести бой исключительно на земле. Ни один их хваленый робот не рискует подняться в воздух, спасая шкуру от гнева Атлантиды!

При упоминании древнего города в угасших глазах Холлса впервые за день промелькнула искра безумной надежды.

Хань Цзин нахмурился. Пережив столько боли и крови, он научился сохранять ледяное спокойствие даже посреди этого бушующего ада.

Не тратя времени на споры, он активировал коммуникатор, связался с передовым дозором и, получив подтверждение, молча забрал у Холлса тактическую карту. Повернувшись к своим офицерам, Хань Цзин твердым, уверенным голосом начал отдавать приказы к развертыванию.